

Тёмный цветок, влюблённый в ночь¹. Падение в Яму Грешников. Часть первая.

¹Иероглифическая игра слов, в центре фразы иероглифы складываются в ХуаЛянь.

С каждой фразой Се Лянь всё сильнее ощущал опасность.

— Все назад, не приближайтесь к нему и не обращайтесь на его слова.

Остальные поспешили прислушаться и в панике разбежались прочь. Лицо в земле, усердно улыбаясь, продолжало уговаривать:

— Эй, ну же, не уходите! Зачем вы так со мной? Я ведь тоже человек, я ничего вам не сделаю.

Однако следом произошло непредвиденное. Один из торговцев, возможно, решив во что бы то ни стало добыть лечебной травы для спасения соратника, осторожно подобрался поближе к лицу и нагнулся, чтобы подобрать пучок травы шань-юэ, что прежде от испуга обронил. Глазные яблоки лица в земле немедленно повернулись в его сторону и ярко блеснули.

Се Лянь в душе воскликнул «Беда!» и бросился к торговцу с криком:

— Оставь! Вернись назад!

Вот только было уже слишком поздно. Лицо в земле внезапно разинуло рот, из которого со свистом вылетело что-то ярко-красное, скользкое и гладкое.

Ужасно длинный язык!

Се Лянь, схватив торговца сзади за ворот, потянул его на себя. Но штуковина, вылетевшая из рта лица, оказалась на удивление длинной. С противным звуком разрывающейся плоти она проникла в ухо торговца!

Принц ощутил, как сильно задрожало тело торговца в его руках. Несчастный испустил короткий выкрик ужаса, и, подёргивая конечностями, повалился коленями на землю. Длинный язык молниеносно вытащил через ухо жертвы большой кусок чего-то, истекающего кровью, сжался и вернулся в рот лица в земле. Чавкая и смеясь, разевая окровавленный рот, лицо визгливо расхохоталось, словно своим смехом собиралось опрокинуть крышу разрушенного дворца государя:

— Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха! Вкуснятина, вкуснятина, вкуснятина! Вкуснятина, вкуснятина! Ох, как я голоден, как я голоден!

Пронзительный и резкий голос вкуче с кровавыми прожилками, которые заполнили глазные яблоки, представляли собой картину поистине омерзительную!

Человек, зарытый здесь более пятидесяти лет, стал единым целым с колдовскими землями этого государства и окончательно превратился в иную сущность!

Се Лянь разжал правую руку, в которой держал воротник торговца, и уже вознамерился нанести смертельный удар мерзкой твари, как вдруг лицо в земле снова завопило:

— Генерал! Генерал! Они здесь! Они здесь!

С рёвом, ещё более свирепым, чем рык дикого зверя, с небес сверзилась тёмная фигура, которая тяжело приземлилась прямо перед Се Лянем.

Когда это произошло, казалось, что вся земля вокруг содрогнулась от удара. А стоило фигуре выпрямиться, как всех остальных присутствующих накрыло огромной тенью, что она отбрасывала.

Этот «человек» оказался поистине громадным.

Смуглая кожа цвета тёмного железа, грубые черты лица, походящие на звериную морду, грудь и плечи защищены доспехом, ростом девять чи².

²Чуть больше двух метров.

Проще было назвать его гигантским прямоходящим волком, чем человеком. А следом за первым с крыши дворца спрыгнул ещё один, двое, трое... более десятка «человек».

Все эти «люди» как на подбор оказались рослыми и крупными мужчинами, каждый держал на плече палицу, тщательно утыканную острыми волчьими зубами, так что создавалось впечатление, что перед путниками выстроилась волчья стая, обернувшаяся людьми. Оказавшись на земле, они окружили торговцев в саду плотным кольцом, словно стеной из огромных стальных башен.

Воины Баньюэ!

От них исходили эманации тёмной энергии, что ясно давало понять — воины давно мертвы. Се Лянь напрягся всем телом, Жое приготовилась действовать в любой момент.

Однако воины Баньюэ, увидев путников, не спешили бросаться в бой и убивать их. Вместо этого они оглушительно расхохотались и начали перекрикиваться на незнакомом языке, который звучал весьма и весьма странно, как будто язык во рту приходилось сильно закручивать. То была речь государства Баньюэ.

Проговорив на нём двести лет, до сего дня Се Лянь почти полностью позабыл язык Баньюэ. И всё же после недолгого повторения вместе с Сань Ланом у могилы генерала, он с лёгкостью понял, о чём говорят воины. Ведь голоса их звучали подобно грохоту колокола, да и общались они довольно грубо, используя самые простые слова.

Вначале Се Лянь услышал, что все воины Баньюэ называют самого первого «генералом», затем различил в разговоре слова «взять под стражу» и «временно оставить в живых», после чего глубоко с облегчением вздохнул и шёпотом обратился к остальным:

— Никому не предаваться панике, воины Баньюэ пока не собираются никого убивать. Кажется, хотят отвести нас в другое место. Ни в коем случае не действуйте опрометчиво, я не могу гарантировать, что одолею их. Будем действовать по ситуации.

С первого взгляда на воинов становилось ясно: справиться с ними крайне трудно. Каждый, как на подбор, крепкий и толстокожий, и даже на то, чтобы задушить одного из них при помощи Жое, придётся потратить немалое время. А если учесть, что воинов здесь пара десятков, одолеть такую ораву будет явно непросто. Кроме того, Се Лянь должен был учесть присутствие нескольких простых смертных рядом с собой, поэтому ему пришлось временно занять наблюдательную позицию.

Сань Лан молчал. Остальные и так не проявляли особенной активности. Более того, пожелай они совершить необдуманный поступок, всё равно не могли решить, какой именно, поэтому лишь закивали, сдерживая подступившие слезы. И только лицо в земле всё не переставало

вопить:

— Генерал! Генерал! Позволь мне покинуть эти земли! Я помог тебе схватить врагов, отпусти меня домой! Я хочу домой!

Увидев воинов Баньюэ, лицо страшно разволновалось и принялось визжать и горько всхлипывать, невпопад выкрикивая вместе с речью центральной равнины незнакомые слова языка Баньюэ, которые, возможно, кое-как запомнило, просидев в этой земле в качестве удобрения более пятидесяти лет.

Воин Баньюэ ростом в девять чи, которого остальные называли генералом, увидев, что в земле кривляется и визжит какая-то тварь, кажется, тоже посчитал её омерзительной, поэтому нанёс удар палицей, вонзив острые шипы прямо в голову существа. Лицо издало пронзительный визг, а когда палица поднялась, на своих шипах она вытянула наружу из земли повисшее на них лицо, осуществляя его желание «покинуть эти земли».

Вот только вместе с лицом и шеей далее из земли показалось вовсе не человеческое тело, а жуткого вида белые кости!

Случившееся напугало торговцев до такой степени, что они закричали от ужаса. Окровавленное лицо сползло с шипов палицы, затем, взглянув на собственное тело, кажется, столь же сильно перепугалось. Хватанув ртом холодного воздуха, оно заголосило:

— Что это? Что это такое?

Се Лянь тактично напомнил:

— Это твоё тело.

Если хорошенько поразмыслить, всё станет ясно. Этот человек пролежал зарытым в пустынной земле пятьдесят с лишним лет, его плоть и кровь давно без остатка впитали корни травы шаньюэ, несъеденным остался лишь скелет.

Лицо из земли, не в силах в это поверить, не унималось:

— Это же невозможно?! Моё тело вовсе не такое, это не моё тело!!!

Голос его сделался резким и яростным, да и в целом картина была страшной и печальной, поэтому Се Лянь покачал головой. Сань Лан же прыснул со смеху и саркастично заметил:

— Тебе только сейчас своё тело начало казаться странным? Но тогда что за штуковина только что высунулась из твоего рта? Она не показалась тебе необычной?

Лицо из земли немедленно возразило:

— Что в этом странного? Всего-то... Всего-то язык, немного длиннее, чем у обычных людей!

Насмешка угадывалась даже на кончиках бровей Сань Лана. Он ответил:

— Ага, точно, немного длиннее. Ха-ха.

Лицо из земли воскликнуло:

— Да! Лишь немного длиннее! Просто он постепенно вытянулся за столько лет, пока я поедал

летающих и ползающих насекомых, чтобы выжить. Лишь поэтому он стал таким!

Возможно, когда его только закопали в землю, человек был ещё жив, и чтобы хоть как-то выжить, изо всех сил высовывал язык, чтобы поймать пролетающих и проползающих мимо насекомых. Но постепенно он перестал быть человеком, язык его становился всё длиннее, а «пищей» вместо насекомых стали вещи куда более ужасные.

Тем не менее, будучи всё это время закопанным в землю, лицо не видело своего тела, и теперь совершенно не могло принять того факта, что больше не являлось человеком. Оно всячески пыталось объясниться:

— У некоторых людей языки бывают длиннее обычного!

Сань Лан улыбнулся. При взгляде на него Се Лянь пробрало неопишущим холодом. Улыбка юноши навела на мысли о бессердечности, с которой мучитель собирается содрать кожу с чужого лица.

Сань Лан спросил:

— Ты всё ещё считаешь себя человеком?

Существо из земли словно услышало в вопросе угрозу. Оно внезапно заволновалось и закричало:

— Конечно, я человек, я — человек!

С криками оно изо всех сил засучило руками и ногами, превратившимися в белые кости, пытаясь ползти по земле. Возможно, выбравшись, наконец, наружу, оно ощутило неподдельную радость и с безумным смехом завопило:

— Я возвращаюсь домой, я могу вернуться! Ха-ха-ха-ха-ха-ха...

Хрясь!

Раздражающий пронзительный смех, в конце концов, надоел генералу воинов Баньюэ. Один удар ногой — и череп существа из земли раскололся на части. Его крики «Я — человек» прекратились.

Раздавлив надоедливое существо, «генерал» что-то крикнул остальным воинам, и те, размахивая палицами из волчьих зубов и прикрикивая на группу торговцев, погнали их из дворца в другое место.

Се Лянь пошёл впереди, Сань Лан, как обычно, последовал за ним. Даже сейчас, пока они шли под конвоем толпы воинов Баньюэ, подобных демонам во плоти, шаги юноши оставались неторопливыми, словно он вышел прогуляться. Се Лянь всё это время искал повод, чтобы с ним заговорить, и вот, спустя некоторое время пути, когда воины Баньюэ снова начали переговариваться между собой, а на пленников перестали обращать внимание, принц тихо произнёс:

— Они называют своего командира «генералом». Только вот неизвестно, кто он такой.

Как и предполагал Се Лянь, услышав вопрос, Сань Лан всё же ответил:

— К моменту гибели государства Баньюэ генерал оставался только один. Его имя, если

перевести на наш язык³, будет звучать Кэ Мо — «высекать жернова».

3Под «нашим языком» Сань Лан имеет в виду китайский язык, дословно — письменность хань.

Се Лянь переспросил:

— Кэ Мо?

Имя действительно звучало весьма странно. Сань Лан объяснил:

— Именно так. Говорят, он был слабым и хилым ребёнком, и потому люди часто его обижали. Тогда он поклялся стать сильнее, а в качестве тренировок высекал из кусков скалы мельничные жернова, потому и заполучил такое имя.

Се Лянь не удержался от мысли: «Но почему бы тогда не назваться Да Ли — "силач"...»

Сань Лан добавил:

— По легенде Кэ Мо являлся самым бесстрашным полководцем за всю историю государства Баньюэ, огромного роста и недюжинной силы. Кроме того, он служил верным защитником советника Баньюэ.

— И после смерти остался им? А теперь он ведёт нас к советнику Баньюэ?

— Возможно.

Что если там поджидает ещё больше воинов Баньюэ? Как же тогда вырваться из плена? Ещё неизвестно, что стало с Нань Фэном, который взял на себя риск отвлечь тех двоих. Торговцы ведь уже собрали траву шань-юэ, но как теперь доставить её отравленному старику до истечения двадцати четырёх часов?

Се Лянь шёл, погружённый в размышления, но всё же замечал, что Генерал Кэ Мо ведёт их всё дальше и дальше к окраинам. В конце концов, они оказались на самом краю государства Баньюэ и только здесь остановились. Се Лянь застыл, поднял взгляд вверх и увидел несравнимо высокую стену из жёлтой глины, которая возвышалась над ним, словно великан.

Целью воинов оказалась та самая Яма Грешников.

Даже прожив некоторое время вблизи государства Баньюэ, на самом деле принц довольно редко навещался в город, и, разумеется, никогда не приближался к Яме Грешников. А теперь, оказавшись перед ней, ощутил, как содрогнулось сердце.

С наружной стороны глинобитной стены оказались выдолблены примитивные ступени. Поднимаясь по ним вверх, Се Лянь всё смотрел вниз, оглядывая окрестности невооружённым взглядом, пока наконец к нему не пришло осознание, в чём крылась причина того странного чувства в душе.

Его бросило в дрожь вовсе не от понимания, что Яма являлась местом страшных пыток и казней, а также не от предположения, что их всех сейчас столкнут на дно Ямы. Эта дрожь основывалась исключительно на ощущении присутствия мощного магического поля.

Яма Грешников была расположена и спроектирована таким образом, что являла собой задуманное кем-то весьма сильное магическое поле.

И это поле имело лишь одно действие — не позволить упавшим в Яму людям выбраться оттуда!

«Не позволить выбраться» означало, что даже если вниз сбросить верёвку или поставить лестницу, а человек на дне Ямы, схватившись за спасительный шанс, доберётся до половины, магическое поле придёт в действие, и несчастного снова сбросит вниз. Се Лянь, не подавая вида, дотронулся рукой до стены Ямы и прошёл так немного, чтобы выяснить, из чего она построена. Оказалось, что стены лишь издали кажутся глинобитными, а на самом деле представляют собой несравнимо твёрдый камень. Вполне возможно, также защищённый каким-то заклятием, ведь его наверняка очень трудно пробить.

Когда ступени под ногами закончились, процессия оказалась на самой вершине Ямы Грешников, и чувство, что посетило их при виде картины, открывшейся с края жёлтых стен, можно было описать лишь словом «потрясение».

Вся Яма Грешников представляла собой высокие стены, что окружали её с четырёх сторон. Каждая стена — в длину около тридцати чжанов⁴, в высоту — около двадцати чжанов⁵, и в ширину примерно в четыре чи⁶.

⁴Тридцать чжанов — около ста метров.

⁵Двадцать чжанов — около шестидесяти семи метров.

⁶Четыре чи — около 1,4 метра.

Четыре стены устрашающе возвышались над землёй, окружая огромное пустое пространство. Над пустотой не было ни платформ, ни перекоордин, на которых можно было бы стоять.

Уже стемнело, и дно огромной чернеющей ямы разглядеть не представлялось возможным. Из темноты то и дело поднимался холод и запах крови.

Оказавшись на краю высоченной стены, где не было никаких ограждений, за которые можно ухватиться, и шествуя по ней на высоте в несколько десятков чжанов от земли, никто из пленных торговцев не смел опустить взгляд вниз. Однако через некоторое время впереди показался длинный шест, установленный вертикально, с висющим на нём трупом. Именно этот шест они видели ранее, ещё снизу. Мёртвое тело оказалось очень маленьким и принадлежало девушке в чёрных одеждах, изодранных в клочья. Девушка висела на шесте, уронив голову на грудь.

Се Лянь знал, что этот шест использовался специально для подвешивания преступников, которых воины Баньюэ хотели преднамеренно опозорить. Зачастую тюремщики срывали с такого преступника одежду и голышом подвешивали на шест, где несчастный умирал от голода или жажды, после чего его труп качался на ветру, жарился на солнце, мок под дождём, иссыхал от пустынных бурь. Конечности его либо сгнивали, либо отрывались и падали вниз. В целом смерть весьма и весьма неприглядная.

Труп девушки пока не сгнил. Наверняка она умерла совсем недавно, и возможно, являлась одной из местных жительниц. Тот факт, что воины Баньюэ даже совсем молоденькую девушку подвесили в подобном месте, подтверждал их невероятно жестокий и бесчеловечный характер. А Чжао, Тянь Шэн и остальные торговцы, увидев подобное, побледнели и застыли на месте, не решаясь идти дальше. К счастью, Кэ Мо не стал подгонять их. Он развернулся к Яме Грешников и издал громкий долгий крик куда-то вниз.

Се Ляню это показалось странным, принц подумал: «Зачем понадобилось так кричать?» В

следующий миг он получил ответ на свой вопрос.

Словно в ответ на зов Кэ Мо, со дна Ямы, чернеющей непроглядной тьмой, прозвучал многоголосый рёв. Похожий не то на тигров, не то на волков, не то на иных монстров, не то на рёв морских волн, бессчётным множеством голосов этот рёв оглушал любого, кто его слышал. Торговцы на краю стены перепугались так, что едва могли устоять на ногах, а Се Лянь крайне чётко расслышал среди этих звуков ещё и шорох камней и песка, сыплющегося на землю.

В Яму Грешников сбрасывали только преступников. Неужели со дна Ямы на зов Кэ Мо отвечают их неупокоенные души?

Внезапно Кэ Мо выкрикнул снова. И на этот раз Се Лянь, внимательно прислушавшись, распознал не просто бессмысленный рёв. Это были не проклятия и не ругань, а напротив — скорее слова поддержки. Принц мог совершенно точно утверждать, что услышал слово «братья».

Затем Кэ Мо обратился к воинам, что вели Се Ляня и остальных. И смысл фразы принц понял предельно точно.

Генерал произнёс следующее:

— Сбросим только двоих.

Торговцы, даже не понимая смысла сказанного, всё же примерно догадались, что собрались сделать воины, поэтому их лица моментально побелели. Се Лянь, видя, что те от ужаса скоро не смогут стоять, выступил вперёд и тихо сказал:

— Не волнуйтесь. Что бы ни произошло далее, я буду первым.

В случае если придётся прыгать в Яму, принц, несмотря ни на что, пойдёт первым, чтобы осмотреться внизу. Всё равно на дне его не ждёт ничего нового — либо ядовитые твари или дикие звери, либо свирепые призраки и озлобленные духи. Как бы то ни было, Се Ляня невозможно убить ни ударом о землю, ни когтями, ни зубами, ни ядом. И если внизу не бурлящая лава и не отравленные воды, нырнув в которые, обращаешься трупом, то вполне возможно, что, спрыгнув в Яму, принц не окажется в слишком незавидном положении.

Кроме того, с ним была Жое. И хотя ленту не получится использовать, чтобы выбраться наружу, по причине существования магического поля, всё же в том случае, если воины Баньюэ сбросят вниз кого-то ещё, лента поможет человеку спуститься. Кэ Мо приказал «остальных увести и взять под стражу», значит, пленники временно окажутся в относительной безопасности. Всё-таки посреди пустыни непросто изловить живых людей, нельзя же съедать их всех в один присест. Наверное, остальных оставят про запас, чтобы съесть их постепенно.

Се Лянь уже всё продумал, когда внезапно кое-кто рядом с принцем не выдержал.

С тех пор, как они поднялись на вершину Ямы Грешников, кроме Се Ляня и Сань Лана, сохранивших обыкновенное выражение лиц, всех остальных било дрожью, особенно А Чжао.

Вероятно, А Чжао решил, что раз смерть неизбежна, лучше встретить её мужественно — в бою, и потому юноша сжал кулаки и внезапно ринулся вперёд, врезавшись головой прямо в Кэ Мо!

Кажется, в этот порыв он вложил всю свою готовность унести за собой жизнь врага, то есть столкнуть Кэ Мо в Яму. И тот, даже несмотря на крепкое телосложение, напоминающее

несокрушимую башню, от удара, полного предсмертной решимости, пошатнулся и едва не оступился, отойдя на три шага назад. После чего генерал страшно разгневался и ответным ударом отбросил А Чжао прочь.

Глядя, как юноша падает в тёмную глубину Ямы, торговцы завопили от ужаса. Не удержался от выкрика и Се Лянь:

— А Чжао!

Внезапно из чёрной Ямы, дна которой разглядеть было невозможно, раздались радостные выкрики, а потом жуткие звуки безжалостного чавкания и разрываемой плоти, словно злобные демоны остервенело отбирали друг у друга пищу. Лишь по звукам становилось ясно: юноша по имени А Чжао уже никогда не вернётся живым.

Даже Се Лянь не ожидал подобного развития событий и теперь пребывал в полнейшем замешательстве.

Вначале принца мучили серьёзные подозрения, что А Чжао является подчинённым советника Баньюэ, что он намеренно заманивает путников в древнее государство Баньюэ, а также что именно этот юноша — тот самый человек, которого «пятьдесят, а то и шестьдесят лет назад видело» лицо из земли. Поэтому принц никак не мог ожидать, что юноша окажется первой жертвой воинов Баньюэ. Разве можно выжить после подобного прыжка?

Возможно ли, что прыжок в лапы смерти подстроен? Но ведь все они уже являлись пленниками воинов Баньюэ, и если А Чжао действительно служил советнику Баньюэ, теперь он находился в выгодном для себя положении, а значит, мог сорвать личину и гордо показать всем истинное лицо. Для чего устраивать лишнее представление и подстраивать собственную смерть? Подобный поступок не имел совершенно никакого смысла. Но тогда зачем А Чжао атаковал Кэ Мо? Разве это не было столь же бессмысленным шагом к смерти?

В голове Се Ляня всё ещё роились спутанные нити предположений, когда воины Баньюэ начали искать новую жертву, которую собирались столкнуть вниз. Кэ Мо взмахнул рукой, указывая на Тянь Шэна. Один из воинов немедленно протянул к юноше лапы, чтобы схватить несчастного. Тянь Шэн от испуга заголосил:

— Ааа! Помогите! Не трогайте меня! Я...

Се Лянь решил не тратить больше время на размышления, вышел вперед и произнёс:

— Генерал, постойте.

Стоило Кэ Мо услышать фразу, прозвучавшую на языке Баньюэ, на его смуглом лице отразилось неподдельное удивление. Он сделал воинам знак остановиться и заговорил с Се Лянем:

— Ты умеешь говорить на нашем языке? Откуда ты сам?

Се Лянь мягко ответил:

— Я прибыл из центральной равнины.

Он мог бы солгать, сказав, что родился в государстве Баньюэ, но подобный ход был бы слишком рискованным. Ведь ещё неизвестно, насколько восстановился его язык Баньюэ, стоит

Кэ Мо поговорить с ним подольше, и правда всё равно раскроется. Кроме того, уже по виду принца можно было понять, откуда он явился. Народ Баньюэ всем сердцем ненавидел лжецов и обманщиков. Если принца уличат во лжи, итог будет ещё более неприятным.

Вот только для людей Баньюэ любой выходец из центральной равнины являлся кровным потомком династии Юнань, армия которой уничтожила их государство. Стоило Кэ Мо услышать, откуда прибыл Се Лянь, на смуглом лице генерала сверкнула вспышка гнева, а остальные воины Баньюэ принялись выкрикивать всяческие проклятия и оскорбления.

Се Лянь расслышал лишь «ничтожество», «лжец», «сбросить его вниз», но ничего более.

Кэ Мо произнёс:

— Наша страна исчезла в песках двести лет назад. Ты не из нашего народа, но знаешь наш язык, кто ты есть на самом деле?

Се Лянь, не сдержавшись, бросил взгляд на совершенно безмятежного юношу и подумал: «Надеюсь, в том случае, если мой рассказ окажется недостаточно складным, можно будет пойти на крайние меры и попросить Сань Лана о помощи». Принц уже приготовился начать заговаривать зубы воинам Баньюэ, как вдруг с чернеющего дна Ямы вновь раздался свирепый громогласный рёв.

Твари, обитающие внизу, кажется, уже расправились с телом А Чжао. Но всё ещё не насытились, стройным рёвом выражая жажду свежей крови и плоти. Кэ Мо взмахнул рукой, будто вновь собираясь схватить Тянь Шэна, когда Се Лянь опять его прервал:

— Генерал, позвольте мне стать следующим.

Кэ Мо наверняка никогда раньше не слышал, чтобы в подобной ситуации кто-то просил стать следующим. Его глаза расширились до размеров бронзовых колокольчиков, а в голосе прозвучало изумление:

— Ты станешь следующим? Почему?!

Се Лянь, разумеется, не мог ответить честно — потому что я не боюсь. Принц выбрал более соответствующий ситуации ответ:

— Генерал, все эти люди — всего лишь ни в чём не повинные проезжие торговцы, среди них даже есть ребёнок.

Кэ Мо, послушав его, холодно усмехнулся.

— Когда армия государства Юнань омыла кровью наше государство, вы почему-то не задумались, что среди нас также есть безвинные торговцы и дети!

Гибель государства Баньюэ произошла двести лет назад, с тех пор по обе стороны границ давно сменились многие поколения. Однако для воинов Баньюэ, которые стали умершими пленниками застывшего времени, месть не могла исчезнуть следом за сменившейся династией. Кэ Мо добавил:

— Ты слишком подозрительный, я собираюсь задать тебе вопросы. Тебя сбрасывать нельзя. Хватайте другого!

В таком случае, иного выхода нет. Се Лянь приготовился довести дело до конца и вначале спрыгнуть в Яму, чтобы доказать серьёзность намерений, но тут Сань Лан рядом с ним внезапно шагнул вперёд. Сердце принца подскочило, он повернулся и посмотрел на юношу.

Тот стоял, сложив руки на груди, и безразличным взглядом, как будто думая о чём-то своём, обозревал Яму Грешников, которой не видно дна.

В душе Се Ляня невольно зародилось не очень хорошее предчувствие.

— Сань Лан?

В ответ на его зов юноша повернул голову и слегка приподнял уголки губ со словами:

— Всё в порядке.

А потом сделал ещё шаг вперёд, оказавшись на самом краю опасного обрыва. Сердце Се Ляня беспорядочно задёргалось вместе с глазом, он произнёс:

— Постой, Сань Лан, просто не двигайся.

Юноша стоял на краю высокой стены, полы его красных одежд шумно трепетали от ночного ветра. Сань Лан взглянул на принца, улыбнулся и произнёс:

— Не надо бояться.

Се Лянь:

— Ты... сначала отойди оттуда. Отойди от края, и я перестану бояться.

Сань Лан:

— Не волнуйся. Я покину тебя ненадолго. Очень скоро мы сможем увидеться снова.

Се Лянь:

— Прошу, не надо...

Фраза повисла в воздухе. Юноша, сохраняя позу со сложенными на груди руками, сделал ещё шаг, легко оттолкнулся от земли и в одно мгновение исчез в неизмеримо глубокой темноте.

В момент прыжка юноши с запястья Се Ляня сорвалась Жое. Обернувшись белой радугой, она попыталась схватить силуэт юноши, но скорость падения оказалась быстрее, и белая лента, не зацепив и уголка одежды, печально вернулась на запястье принца. Се Лянь так и рухнул на колени, с его губ сорвался крик в пустоту:

— Сань Лан!!!

Ни единого звука в ответ.

После того, как юноша спрыгнул, из Ямы не раздалось ни звука!

Воины Баньюэ на стене рядом с принцем начали громко перекрикиваться, явно поражённые случившимся. Что же такое творится сегодня? Раньше приходилось хватать пленника, чтобы сбросить его вниз, а эти наперебой выскакивают друг перед другом, а если их не сбрасывают —

прыгают сами!

Генерал Кэ Мо громогласным криком приказал воинам уgomониться, а Се Лянь, увидев, что Жое не удалось схватить Сань Лана, не успел даже подумать — так и бросился вниз, в Яму Грешников. Принц уже находился в воздухе, когда сзади его кто-то схватил за шиворот, подвесив над пропастью. Обернувшись, Се Лянь увидел, что Генерал Кэ Мо, предупреждая его прыжок, протянул руку и схватил принца, не давая упасть!

Се Лянь подумал: «Хочешь присоединиться? Славно. Упадём вместе, так даже лучше». Подчиняясь мысли принца, Жое, словно белая змея, с шорохом плотно обвила руку генерала, а затем и всё его тело. Стоило Кэ Мо столкнуться с загадочной белой лентой, похожей на демоническое создание, на лбу его явственно проступили чёрные вены, а мышцы в одно мгновение раздулись в несколько раз, как будто он пытался таким образом разорвать ленту, в плену которой оказался. Се Лянь намертво схватился с Кэ Мо, когда боковым зрением внезапно уловил кое-что весьма странное.

Труп, висевший на длинном шесте, вдруг пошевелился и приподнял голову.

Воины Баньюэ, которые также заметили это, с громкими криками и палицами наперевес бросились в атаку на труп. Ну а девушка в чёрных одеждах, шевельнувшись, каким-то никому неизвестным образом развязала верёвки, на которых была подвешена, спрыгнула с шеста и молниеносно бросилась навстречу воинам.

Словно порыв чёрного ветра, она пролетела по краю стены, быстро и безжалостно сбивая на своём пути всех воинов, которые с жуткими криками повалились вниз. Увидев, что его солдаты упали в Яму Грешников, Кэ Мо разразился гневными ругательствами. Бранился он чрезвычайно грубо, используя нецензурные выражения, которые Се Ляню были не слишком понятны. И всё же самую первую фразу принц разобрал. Кэ Мо выругался:

— Опять эта мерзавка!

В следующий миг его ругательства прервались, по той причине, что Се Лянь внезапно приложил силу и вместе с Кэ Мо сверзился вниз, в Яму Грешников.

В Яму, из которой невозможно выбраться!

Падая, Кэ Мо своим яростным рёвом едва не оглушил Се Ляня. Чтобы спасти уши, принцу пришлось отозвать Жое и ударить Кэ Мо ногой посильнее, чтобы тот отлетел подальше. Затем Се Лянь отправил Жое наверх, в надежде, что лента зацепится за что-то, чем можно смягчить падение, и удар о землю во всяком случае будет не слишком травматичным.

Вот только Яма Грешников была устроена без изъяна, как и магическое поле вокруг неё, и Жое не просто не смогла дотянуться до верха, но и не нашла ничего, за что можно ухватиться на стенах Ямы. И когда Се Лянь уже решил, что сейчас разобьётся в лепёшку, как и множество раз в прошлом, а после несколько дней не сможет оторвать себя от земли, произошло непредвиденное: во тьме сверкнула серебристая вспышка.

Спустя мгновение пара рук легко подхватила принца.

Человек этот несравнимо точно подгадал момент. Казалось даже, что он прямо-таки специально поджидал внизу, чтобы поймать Се Ляня. Одна рука обхватила принца за спиной, обняв за плечи, другая подхватила под колени, аккуратно и легко остановив бешеное падение с высоты.

Се Лянь, ещё не оправившись от внезапного прекращения полёта, всё ещё ощущал головокружение и рябь в глазах, поэтому невольно ухватился за плечи невидимого спасителя и выпалил:

— Сань Лан?

Кругом стояла тьма, в которой невозможно было что-либо различить, как невозможно было различить и того, кто поймал принца. Однако те слова неподконтрольно сорвались с губ Се Ляня. Не получив ответа, принц провёл рукой по плечам и груди незнакомца, пытаясь убедиться в догадке. Он спросил снова:

— Сань Лан, это ты?

Возможно, потому, что сейчас они оказались на самом дне Ямы, запах крови здесь стал настолько сильным, что от него можно было потерять сознание. Се Лянь, всё ещё не понимая, где оказался, продолжал беспорядочно трогать спасителя руками, пока не добрался до твёрдого кадыка, лишь тогда к нему пришло внезапное осознание своих действий. В мыслях пронеслось «Виноват, виноват, что же это я делаю», и принц отдёрнул руку со словами:

— Это ведь Сань Лан, да? С тобой всё в порядке? Ты не поранился?

Спустя недолгое молчание принц наконец дождался ответа юноши. В предельной близости от него раздался низкий и глубокий голос:

— Всё в порядке.

По неизвестной причине Се Ляню показалось, будто голос, которым сказана эта фраза, неуловимо отличается от прежнего.

<http://tl.rulate.ru/book/93015/3067522>